

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ: ТЕОРИИ СТАДНОГО ИНСТИНКТА НАЧАЛА XX ВЕКА¹

© 2017 г. Д. С. Горбатов*, С. Н. Большаков**

* доктор психологических наук, профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург;
e-mail: gorbатов.rus@gmail.com

** доктор экономических, политических наук, профессор кафедры экономической теории и корпоративного управления Сыктывкарского государственного университета им. Питиримы Сорокина, Сыктывкар;
e-mail: snbolshakov@gmail.com

Дается общая характеристика парадигмы инстинктов человека, излагаются основные направления ее критики в социальной психологии начала XX века. Анализируется содержание теорий У. Троттера и В. А. Вагнера, описывающих стадный инстинкт в качестве одного из свойственных человеку внерассудочных побуждений. Отмечается взаимная противоречивость этих теорий, обусловленная принципиальными ограничениями идеи детерминации социального поведения совокупностью унаследованных предрасположенностей. В контексте вопроса о возможности возвращения в предметное поле психологии стихийных объединений стадного инстинкта делается вывод о недостаточности объяснительного потенциала данного понятия.

Ключевые слова: толпа, инстинкты человека, стадный инстинкт, “теория стадного инстинкта” У. Троттера, “теория толпы” В. А. Вагнера.

Становление научных представлений об эволюционном развитии видов посредством естественного отбора в начале XX столетия способствовало появлению парадигмы, описывающей поведение в толпе как унаследованное, обусловленное инстинктами, характерными для череды животных предков. Таким образом получали “исчерпывающее” объяснение иррациональное начало, присущее человеку в толпе, его податливость внушению и заражению, готовность слепо подражать, интеллектуальная регрессия, нивелировка индивидуальных различий, склонность к агрессии, отмеченные Н. К. Михайловским [10], Г. ле Боном [8], С. Сигеле [14], Г. Тардом [15] и другими исследователями стихийных объединений конца XIX века.

Достаточно быстро эта парадигма ушла в прошлое. Однако обращение к исследованиям стадного инстинкта может иметь важное значение при изучении многих социальных проблем [7; 13; 17 и др.] сегодняшнего дня.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМАТИКИ ИНСТИНКТОВ ЧЕЛОВЕКА

Существование ряда общественных инстинктов, выражающихся в стремлении находиться в обществе себе подобных, помогать сотоварищам, подчиняться вожаку, предпочитать социальное одобрение осуждению и т.п., признавалось еще Ч. Дарвином [5]. Однако при этом основоположник эволюционного подхода утверждал, что инстинкты высших животных малочисленны и просты по сравнению с инстинктами низших организмов. Поэтому полноценное применение описываемой парадигмы к поведению человека потребовало переосмысления содержания ключевого понятия. Под инстинктами стали подразумевать не действия, выполненные целесообразным образом без осознанного предвидения самой цели и предварительной выучки, а лишь “мотивационные диспозиции” [16, с. 105] – первичные импульсы, внерассудочные побуждения, наследственные предрасположенности к совершению тех или иных действий [18; 19; 26; 32 и др.]. Такое понимание проблемы детерминации социального

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15–06–10091а, “Теории толпы в отечественной психологической мысли конца XIX – начала XX в.”).

поведения позволило У. Джемсу [6] утверждать, что именно человек (ввиду сложности нервной системы [32, с. 289]) обладает большим числом инстинктов, чем любое из животных. Причем инстинктов, заметим, на первый взгляд соответствующих критерию видотипичности, единообразия в пределах биологического вида, несмотря на всю вариативность обуславливаемых ими конкретных действий.

В 1908 г. У. Мак-Дауголл предпринял попытку на основе инстинктов заложить фундамент новой науки – социальной психологии. Именно в них он видел то движущее начало, первопричину, без которой “организм утратит всякую способность действовать. Он станет инертным, неподвижным, как часовой механизм без пружины или паровая машина без огня” [9, с. 32]. Его единомышленники использовали парадигму инстинктов для описания политического поведения [42], экономических отношений [37], психологии групп [30], функционирования общества и государства [40] и других феноменов социальной жизни. Однако время существования данной научной традиции оказалось непродолжительным. Значительную роль в этом сыграла неопределенность базового понятия: если инстинкты как *фиксированные действия* доступны для объективной регистрации, то в качестве *импульсов и предрасположенностей* к различающимся по своей специфике действиям они оставляют простор для произвольных интерпретаций.

В частности, последователи этой парадигмы не смогли прийти к единому пониманию того, как инстинкты соотносятся с эмоциями. Согласно Мак-Дауголлу [9], любая эмоция представляет собой аффективный компонент инстинктивного процесса, центральный, единственно стабильный, независимый от жизненного опыта и иных особенностей личности (в отличие от двух других компонентов – когнитивного и конативного, или моторного). При этом некоторые инстинкты всегда связаны с конкретной эмоцией, например, реакция бегства – со страхом, отталкивания – с отвращением, любопытства – с удивлением, драчливости – с гневом и проч., тогда как аффективный компонент других инстинктов (полового, стадного, приобретения и строительства) недостаточно интенсивен или специфичен, чтобы получить конкретное наименование. По А. Шэнду [35], трехкомпонентная структура присуща самим эмоциям, включающим психические переживания, сопровождающие их физиологические процессы и внешние выражения в актах поведения.

При этом не эмоции входят в состав инстинктов, а, напротив, инстинкты, являясь частью подобных эмоциональных комплексов, играют вспомогательную роль в их существовании. В свою очередь, У. Джемс утверждал, что инстинкты как стремления к действиям и эмоции как стремления к чувствованиям принципиально различны: “эмоциональная реакция не выходит из пределов тела испытуемого субъекта, а ... инстинктивная реакция может идти дальше и вступать на практике во взаимные отношения с вызывающим ее объектом” [6, с. 305]. С этой точки зрения, появление объекта или мыслей о нем может вызвать как эмоцию или инстинкт по отдельности, так и то и другое одновременно. По Дж. Энджеллу [18], дело обстоит иначе: инстинкты и эмоции всегда существуют во взаимосвязи. При этом в некоторых из наследуемых реакций доминирует аспект действия, а в других – переживания.

По-разному определяли они соотношение содержания понятий инстинктов и рефлексов. Так, У. Джемс [6] включал инстинктивные реакции в более обширную категорию рефлексов. По Ф. Гиддингсу [25] и М. Пармели [32], это комбинации или комплексы рефлексов. Для К. Л. Моргана [31] инстинкты – явления принципиально более сложные, чем рефлексы, так как предусматривают реакцию не отдельного органа или группы мышц, но организма в целом, сопровождаясь специфичным состоянием нужды или беспокойства, а также предполагая большую вариативность проявлений в связи с имеющимся опытом и сформированными привычками. Согласно У. Мак-Дауголлу [9], различие между ними неоспоримо: рефлексы представляют собой механические движения, тогда как инстинкты – это душевные процессы, помимо моторного компонента непременно включающие осознание существования стимула и эмоциональное отношение к нему.

Весьма запутанные отношения, судя по публикациям того времени [6; 9; 19; 21; 22; 31; 32 и др.], связывали человеческие инстинкты с понятиями жизненного опыта, навыков и привычек, интеллекта и воли. Отсутствовало единое понимание того, как соотносятся инстинкты между собой, чем отличаются инстинкты человека от иных млекопитающих, каким образом на практике отделить наследуемые элементы поведения от приобретенных в раннем детстве. Более того, неоднозначным остался и ответ на вопрос, какое количество инстинктов присуще человеку. Так, А. Брилл утверждал: “Все в жиз-

ни может быть сведено к двум фундаментальным инстинктам: голода и любви; они правят миром” [20, с. 32]. У. Троттер [40] остановил свой выбор на четырех инстинктах, О. Тэд [35] – на десяти, У. Мак-Дауголл [9] – на одиннадцати, Дж. Энджелл [18] – на шестнадцати. Л. Л. Бернард [19] и Э. Фэрис [22] ссылались на некоторые классификации, включающие двадцать, двадцать шесть, тридцать, сорок и более инстинктов. Причем, проблема заключалась не в применении учеными различных оснований для составления своих перечней, но в субъективности процесса выделения ими тех или иных наследуемых предрасположенностей.

По замечанию Л. Л. Бернарда [19], сторонники данной парадигмы легко подбирали соответствующий инстинкт почти к каждой разновидности деятельности или общественному институту, постулируя, что экономические отношения выросли из инстинкта питания, семья построена на рационализированном половом инстинкте и наследуемых паттернах детско-родительских отношений, война имеет под собой основание в виде инстинкта борьбы, государство базируется на инстинктах стадности и страха. Главное – найти для человеческой активности некий примерный аналог в мире животных, не обращая внимания на их ступень на лестнице эволюции. Действуя таким образом, нетрудно было “обнаружить” инстинкты для любых феноменов – эксплуатации природы и экологического движения, женской эмансипации и дискриминации, моногамии и полигамии, эгоизма и альтруизма, аттракции и агрессии.

В итоге, парадигма инстинктов не обеспечила необходимого понимания процессов, происходящих в человеческом обществе. Не случайно ее патриарх У. Мак-Дауголл в одной из последних работ [29] был вынужден заменить “инстинкты” на “предрасположенности”, “склонности” (*propensity*), сохранив при этом основные трактовки. Одна из них, добавим, до настоящего времени входит в арсенал социальных психологов – представления о трехкомпонентной структуре предрасположенностей к действиям были заимствованы исследователями аттитюдов [34], отказавшихся, однако, приписать им свойство наследуемости, а также скептически оценивших возможности их классификации в связи с многообразием социального поведения.

Данная парадигма была обоснованно отвергнута в качестве основания социально-психологического знания. Однако в отношении таких со-

циальных феноменов, как проявления массовой паники и агрессии, деиндивидуализации поведения в толпе, иррациональных аспектов восприятия ситуаций и принятия решений в пределах стихийных объединений и др., применение элементов инстинктивистского подхода представляется заслуживающим отдельного рассмотрения.

Из множества работ, затрагивающих проблематику стадного (*herd, gregariousness*) инстинкта [9; 25; 27; 28; 37 и др.], особого внимания заслуживают две теории. Одну из них разработал британский хирург и социолог У. Троттер, написавший под влиянием идей философа Ф. Ницше [11] и психолога У. Джемса [6] две статьи [38; 39], включенные в 1916 г. отдельными главами в состав его неоднократно переиздававшейся монографии [40]. Вторая теория принадлежит биологу и зоопсихологу, основателю отечественной сравнительной психологии В. А. Вагнеру, еще в 1905 г. опубликовавшему статью “Биология и психология толпы” [1]. В конце 20-х гг. XX в. основные положения этой публикации в значительно переработанном виде вошли в его фундаментальный труд [2], почти сразу оказавшийся недоступным для читателя по далеким от науки соображениям.

ТЕОРИЯ СТАДНОГО ИНСТИНКТА У. ТРОТТЕРА

По словам У. Троттера, человек, “обманутый собственными рационализациями и вытеснениями, воспринимает себя в качестве вполне рационального существа, бесспорно обладающего свободой воли, хозяина своей судьбы, в то время, когда он является всего лишь марионеткой, танцующей на ниточках, за которые Природа, не впечатленная его доблестной важностью, дергает неумолимо и бесстрастно” [40, с. 95]. Несколько тысячелетий цивилизованной жизни не могли оказать особого влияния на то, что было сформировано за многие миллионы лет естественного отбора. И под покровом иллюзорных интерпретаций защитного свойства у современного человека по-прежнему скрываются инстинкты – “унаследованные способы реагирования на телесные потребности и внешние стимулы” [40, с. 94], отличающиеся от инстинктов животных тем “калейдоскопическим разнообразием” поведенческих проявлений, которое обеспечило развитие головного мозга. В силу различий сопутствующих интеллектуальных процессов, специфики личного опыта и влияния социального научения

регистрация подобных предрасположенностей предельно затруднена, но само их существование представлялось британскому исследователю несомненным.

Согласно У. Троттеру, поведение человека определяют четыре инстинкта: самосохранения, питания, половой и стадный. При этом первые три относительно примитивны. Они сменяют друг друга, никогда не проявляясь с одинаковой силой одновременно, отличаются тесной связью с конкретной потребностью организма и сопровождаются чувством удовлетворения в случае успешной реализации. В противоположность этому, действия стадного инстинкта нередко вызывают “неудовлетворение тела или ума” [40, с. 48], когда противоречат требованиям иных инстинктов, соображениям личной выгоды и имеющемуся опыту. По ироничному замечанию автора, несмотря на “очевидную обязанность действовать наоборот”, человек подчас проявляет готовность не заботиться должным образом о самосохранении, испытывать недостаток в пище и проявлять стойкость к плотским порывам, подчиняясь иному императиву. Аналогично, следование увещаниям стада, таким как “честность – лучшая политика”, “тайное всегда становится явным” и т.п., способно повлечь социальные санкции и внутриличностные конфликты.

К проявлениям стадного инстинкта У. Троттер отнес следующие тенденции:

1) непереносимость физического одиночества и интеллектуальной изоляции;

2) большая восприимчивость к голосу своего стада, чем к иному влиянию в вопросах мировоззрения и морали, вкусов и желаний, убеждений и ценностей;

3) заразительность общими страстями не только в условиях паникующей или агрессивной толпы, но и в процессе влияния СМИ на общественное мнение;

4) подчиненность лидерам, умеющим апеллировать к эмоциям, громче других выражать общее мнение, лукавить и льстить, подчас не отличаясь при этом компетентностью, восприимчивостью к новым идеям и видением перспектив;

5) зависимость отношений с сотоварищами от признания индивида “своим”, лояльным членом стада, “таким же, как все”.

Социальное объединение такого типа чрезвычайно консервативно и догматично, однородно и деспотично. Большинство индивидов избе-

гает ему противоречить, слепо доверяет всему, санкционированному стадом, действуя на манер английской леди, которая, пытаясь “избежать клейма наличия у себя нормальных ног, подвергает их сильному сдавливанию с боков, ... делая пожертвования миссионерам на просвещение китайской леди относительно того, насколько нелепо сдавливать свои ноги в длину” или той европейской леди, что “носит кольца в ушах, потешаясь над варварством цветной леди, которая носит свои кольца в носу” [40, с. 38].

В слиянии с другими, по его мнению, заключен источник альтруизма, сострадания, патриотизма, энтузиазма и творчества. Более того, У. Троттер определял стадо в качестве единственной среды, где ум человека способен функционировать удовлетворительным образом², ориентируясь на разделяемое знание о приемлемом и нежелательном, важном и второстепенном, разумном и абсурдном. В этом плане его идеи могут рассматриваться в контексте косвенного влияния на теорию социального сравнения Л. Фестингера [23], а также на представления интеракционистов о референтных группах [36].

В зависимости от степени податливости стадному инстинкту У. Троттер выделял два противоположных типа личности, каждый из которых по-своему дисгармоничен. Представители первого из них достигли душевной стабильности, отвергая или игнорируя все, что противоречит предписаниям стада. Это люди “своей среды”, сторонники раз и навсегда установленного порядка, не доступные для новых идей и потому не способные адаптироваться к кардинальным изменениям. Что касается другого типа, то образующие его индивиды не смогли в необходимой мере ассимилировать внутренний мир к заданным эталонам мыслей и чувств. Как следствие, они отличаются душевной неустойчивостью, неготовностью к продолжительным усилиям, скептицизмом в вопросах патриотизма, религии, политики, морали, социального успеха. Нервные расстройства, алкоголизм и наркомания, жизненные неудачи стали для многих из них платой за отделение от себе подобных.

² Отметим, что, во-первых, У. Троттер не ограничивал “стада” пределами контактных групп, во-вторых, по замечанию О. Тида [37], индивид входит в состав нескольких “стад”, например, причисляя себя к гражданам государства, жителям города, прихожанам церкви, членам профсоюза и т.п. Таким образом, стадность рассматривалась в значении, приближенном к социальности.

Ослабление стадного начала, связанное с возрастанием числа этих душевно неустойчивых лиц, а также с нарушением необходимой для стада моральной однородности в результате классового расслоения, У. Троттер считал основной проблемой XX века. Ему представлялась необходимой не победа интеллекта над стадным инстинктом, как это определял, к примеру, И. Хауэрс [27], но развитие интеллектуального потенциала нации для укрепления ее гармоничной стадности. Идеалом общественного устройства для него являлось “социализированное стадо” (*socialized herd*), напоминающее пчелиный улей, где каждая особь вносит свой вклад в дело общего выживания. По пути к этому идеалу, по его мнению, пошла Британская империя, все более отличающаяся от других европейских государств, использующих стадный инстинкт в агрессивной или защитной форме, представленных в природе стаей волков и отарой овец.

ТЕОРИЯ ИНСТИНКТОВ ТОЛПЫ В.А. ВАГНЕРА

Основной ошибкой предшествующих исследователей толпы В. А. Вагнер считал недооценку биологической основы социальной жизни. Поверхностные экскурсы в мир животных в поисках подходящих иллюстраций, в особенности характерные для Н. К. Михайловского [10] и С. Сигеле [14], оборачиваются произвольностью, предвзятостью и противоречивостью трактовок поведения человека, который “унаследовал от природы свою общественность” [2, с. 87]. С его точки зрения, правильное идти в другом направлении – изучать явления от простых к сложным, исходя из того, что “психология человека, как и его анатомия и физиология, не являются изолированными в природе, они генетически связаны с формами, ему предшествовавшими” [2, с. 47].

Социальное поведение В. А. Вагнер связывал с несколькими инстинктами, возникшими на различных ступенях эволюции.

Сравнительно незначительное влияние на человека оказывает унаследованная активность от “сборищ” животных (медуз, некоторых насекомых, земноводных, птиц), где особи, привлеченные в больших количествах в одно место благоприятными условиями, проявляют полное безразличие и отсутствие враждебности друг к другу, не имея никакой общей цели и согласованности действий. Прохожие или пассажиры

представляют собой примеры подобных скопищ, где численность присутствующих, когда она не является чрезмерной, не оказывает особого эффекта на поведение каждого в отдельности.

Наследием временных и постоянных “агрегаций” животных (насекомых, рыб, птиц, млекопитающих) стал *массовый инстинкт*, при котором физическое воздействие одних особей на других, выражающееся в многочисленных касаниях и столкновениях, движениях перед глазами, усиливающемся при перемещениях в шум, трансформируется в нервное возбуждение. В отличие от нервной реакции, образующаяся при этом энергия не направлена на что-то конкретное. Ее эволюционный смысл, по мнению автора, заключен в интенсификации любой активности – от нападения и защиты до поиска пищи, постройки жилища, ухода за потомством и прочее. Признавая некоторую роль массового инстинкта в поведении толпы и отмечая зависимость силы нервного возбуждения от степени скученности индивидов, В. А. Вагнер, тем не менее, был далек от позиции своего современника Л. Н. Войтоловского [3], приписывающего динамике нервно-физиологических процессов в условиях тесноты и давки определяющее значение для объяснения действий стихийных объединений.

На следующих ступенях эволюции, согласно исследователю, сформировался *стадный инстинкт*, предполагающий в интересах самосохранения подражание особям, первым отреагировавшим на изменение ситуации (стае-стадные сообщества), или же вожакам, наиболее опытным, осторожным, зорким и сильным (стае-вожаческие сообщества). Однако и в последних при экстремальных случаях (например, панике) возможна редукция психической активности до подражания не наиболее адаптированным, а случайным, первым попавшим на глаза сотоварищам, и тогда совместные действия, теряя в организованности, отчасти начинают напоминать движения обезглавленных насекомых. По замечанию В. А. Вагнера, при этом животные или люди превращаются в толпу, которая перестает руководствоваться опытом и интеллектом, идя на поводу примитивных инстинктов и непредвиденных актов подражаний.

От высших животных человечеству достались в наследство *социальные инстинкты*, выражающиеся в привязанности к избранным особям, отношениях симпатии, проявлениях альтруизма. В отличие от инстинкта стадного, по замечанию В. А. Вагнера, они служат не столько интересам

популяции, сколько индивида, причем степень их развития устойчиво коррелирует с умственными способностями того или иного вида. Достигая предельной выраженности у человека, социальные инстинкты обуславливают широкий диапазон поведения – от переживаний психологического комфорта и духовной близости до развития культуры и экономического разделения труда со всеми, как он показательно выразился, “последствиями этого биологического явления” [1, с. 171].

И если у животных социальные инстинкты проявляются лишь при благоприятных условиях и отступают, как только стадный инстинкт выходит на сцену, то в обществе между ними происходит постоянная борьба, создающая человека в полном смысле этого слова.

Обращаясь к изучению феномена толпы, В. А. Вагнер исходил из необходимости сопоставления стихийных объединений людей с их аналогами в мире животных. Как несомненное сходство он выделил ослабление рассудочной деятельности под влиянием гипертрофированных инстинктов самосохранения и, отчасти, питания. Таким образом, толпа, из кого бы она не состояла, всегда представляет собой шаг назад в психической активности. Что касается различий, то исследователь сосредоточил свое внимание на трех из них.

Во-первых, если толпа животных подражает случайно выделившимся особям, то в толпе людей всегда имеются так называемые “вторичные вожаки”. В отличие от “первичных”, лидеров стаево-вожаческих объединений или людских орд, им нет надобности превосходить окружающих умом, волей и опытом, напротив, вождь толпы всегда ниже среднего уровня собравшихся: “превосходство могло бы даже оказаться вредным; ему достаточно одного – сильнее других проявлять запросы инстинктов и переживать связанные с этими запросами эмоциональные состояния. Вследствие этого, являясь руководителем толпы, ее вождь в то же время и законный ее сын; он сам – раб инстинктов” [2, с. 160]. Толпа покорно и безотчетно следует за ним до тех пор, пока не найдет себе другого, более влиятельного вожака, “при непременно, однако, условии, чтобы этот другой был типом еще более низменным, грубым, чем первый” [2, с. 163].

Во-вторых, только человеческая толпа может пребывать в особом *латентном* виде, сущность которого заключена в сохранении социальных связей между членами распавшейся толпы, притяжении к ним иных “родственных элементов” с последующим возвращением подобного обра-

зования в активное состояние при подходящем случае. По замечанию В. А. Вагнера, “роль пространства и времени для толпы в настоящее время утратили свое первоначальное значение: ей уже нет надобности пребывать в одном месте, чтобы быть толпой” [1, с. 174]. Более того, толпа в противоположном, действующем виде “представляет собой явление, если не вымирающее, то несомненно опустившееся в глубинные планктон общественной жизни, в условия среды малокультурной, грубой и темной” [там же, с. 174].

Влияние латентной толпы (во многом соответствующей характеристикам феномена публики у Г. Тарда [15]) отечественный исследователь оценивал как менее заметное со стороны, но чрезвычайной существенное. Оно проявляется в постоянной готовности к действиям, перед началом которых проявления угнетающего разум инстинкта, прекращенные на время, возобновляются с чрезвычайной быстротой и легкостью. Этого достаточно для того, чтобы “люди превращались в толпу, а с этим вместе – в зверей” [2, с. 165].

В-третьих, в животном мире в силу ограничений нервно-мозгового характера встречается только стадная толпа, тогда как стихийные объединения людей бывают как стадными, так и социальными. Данные образования, по мнению В. А. Вагнера, нередко сходны по проявлениям, но легко различимы по доминирующим инстинктам. Так, стадная толпа подчиняется вожаку, который оперирует лишь одной силой – элементарной, грубой, эгоистической, но и самой могущественной – стремлением к самосохранению. Социальная же толпа, построенная на чувствах альтруизма, идет за *героем*. Как следствие, “толпа стадная не всегда совершает преступление, но всегда готова его совершить; для социальной толпы преступление является неожиданной и не соответствующей ее инстинктам случайностью” [1, с. 179].

Описывая трудности различения на практике стадной и социальной толпы, автор отмечал, что иногда толпа руководствуется эгоистическими и альтруистическими инстинктами одновременно, кроме того, в человеческом обществе понятие самосохранения расширилось до значительных пределов (например, толпа погромщиков как бы следует инстинкту *религиозного* самосохранения). Тем не менее, идея противопоставления двух видов толп представлялась ему крайне важной по теоретическим соображениям. Тем более, что аналогичная, по его мнению, “трудность практического разграничения между инстинктом и актом разумным не мешает важности и необходимости разграничения между собой этих психи-

ческих способностей” [1, с. 181]. Любопытно, что в конце 20-х гг. В. А. Вагнер [2] отказался от характеристики социальности в отношении инстинктов толпы, однако сохранил в неприкосновенности столь же произвольное в авторской трактовке противопоставление поведения инстинктивного и рассудочного.

Обращение к биологическим основам поведения толпы, согласно В. А. Вагнеру, позволяет внести существенные коррективы в выводы предшествовавших исследователей. В частности, неосновательным в свете учения об инстинктах представлялось ему разделение толп на преступные и добродетельные, постулируемое С. Сигеле [14]. Глубоким заблуждением считал он тезис Г. Тарда [15] о толпе как “эмбрионе” человеческого общества. Не соглашался с распространением ими обоими тенденции к интеллектуальной деградации с толпы на суд присяжных, парламентское собрание и иные социальные объединения. Возражал против распространенных представлений об определяющей роли вожаков [8; 10; 14; 15 и др.], указывая, что толпа проявляет склонность к агрессии не потому, что на нее начинают влиять вожаки, напротив, их воздействие связано с тем, что она уже успела попасть под власть инстинкта и “действует как зверь, ничего не думающий, ничего не соображающий и покорный только тому инстинкту, который им руководит и которого он является рабом” [2, с. 166].

В то же время нельзя не заметить, что сосредоточение В. А. Вагнера на биологической составляющей проблематики обернулось фактической *зоологизацией*, игнорированием специфики человеческой природы и качественных отличий общественной жизни от активности животного мира. Не только в отношении стихийных объединений, но и там, где речь заходила о психологических типах личности и чертах характера, он со всей категоричностью настаивал на доминировании наследуемых предрасположенностей над влиянием социальной среды.

“ИНСТИНКТЫ ТОЛПЫ” В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ СТИХИЙНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

В силу своей простоты идея стадного инстинкта прочно закрепилась в общественном сознании и до сих пор применяется в случаях, где требуется подобрать оправдание для необдуманного копирования чьих-то не самых удачных действий. Однако в социальной психологии время ее расцвета оказалось непродолжительным. Одним из

переломных моментов в отношении к стадному инстинкту в научной среде стало изменение позиции прежнего адепта данной идеи Ф. Гиддингса, в начале 20-х гг. разработавшего в русле бихевиоризма альтернативную концепцию типичного поведения (*pluralistic behavior*) [24; 25]. С точки зрения известного социолога, стадный инстинкт не может считаться исчерпывающим объяснением уже потому, что “каждый человек – одновременно животное, сознательный индивидуальный разум и социальность” [24, с. 399]. Его реакции приобретают соответствие с реакциями окружающих в силу включенности в общую ситуацию, взаимности возбуждений, процессов коммуникативного взаимодействия, проявлений “сознания рода” (отношений общности и солидарности с другими), сложившихся общественных установлений. Инстинктам отныне отводилось место отдаленных первопричин произошедшей совокупности социальных преобразований человеческой природы. В дальнейшем о них почти полностью перестали упоминать.

Принимая во внимание иррациональные аспекты действий панической, стяжательской или агрессивной толпы, трудно разделить ту точку зрения [4], по которой процесс антропогенеза привел к полному отмиранию инстинктов. С другой стороны, нет оснований полагать, что наследуемые предрасположенности проявляются в стихийных человеческих объединениях с определенностью, характерной для животного мира. Тем более, что уже там, по замечанию С. Л. Рубинштейна, инстинкт, навык и интеллект существуют во взаимосвязи, взаимопроникновении, и “если на ранних ступенях развития интеллект или элементы его выступают внутри инстинкта или навыка, то на высших инстинкт и навык функционируют внутри или на основе интеллекта, который осмысливает, контролирует и регулирует их” [12, с. 117].

В пользу теорий стадного инстинкта говорит лишь то, что исходный тезис о наличии неких биологических предпосылок не противоречит существующим подходам к изучению стихийных объединений. Во всяком случае, если мы в качестве примера обратимся к теориям толпы, приписывающим индивидам следование возникающим нормам [41] или замену личных идентичностей на общую социальную [33], то увидим, что популярная в настоящее время опора на изолированные социально-когнитивные конструкции не означает

принципиальной невозможности детерминации последних природными предрасположенностями³.

Проблема в том, что теории стадного инстинкта, разработанные в начале XX века, отличались чрезвычайной взаимной противоречивостью. Весьма показательно, что для У. Мак-Дауголла стадный инстинкт – один из социальных, для У. Троттера эти два термина вполне синонимичны, тогда как В. А. Вагнер описывал стадный и социальный инстинкты как заведомые противоположности. Соответственно, для первого из упомянутых авторов стадность представляла собой феномен, приобретающий только в каком-то конкретном контексте (например, урбанизации) негативные и позитивные черты; с точки зрения второго исследователя, – это важнейшее условие стабильности общества; по мнению третьего ученого, устойчивое общественное развитие, напротив, сможет обеспечить лишь преобладание социальных инстинктов над стадным, который “поддерживая в людях дух исконного рабства, вытекающий из бесконтрольной и безответной покорности вожаку, противодействует самой природой своей стремлению личности к знанию и свободе” [1, с. 184].

Подобная противоречивость трактовок стала следствием не только проблематичности регистрации проявлений стадного инстинкта как наследственной предрасположенности, но и серьезной методологической ошибки последователей парадигмы инстинктов. Согласно С. Л. Рубинштейну [12], она заключалась в некорректном представлении о психическом развитии видов как однородном целом, определяемом одними и теми же неизменными закономерностями. Таким образом, речь шла о механическом по своему характеру перенесении поведенческих феноменов “снизу вверх” вплоть до претендующих на универсальность формулировок законов человеческой деятельности.

В итоге, приходится констатировать, что понятие стадного инстинкта в настоящее время сохраняет уместность только для случаев, где требуется напоминание о том, что в аристотелевской формулировке “общественного животного” вторая часть тоже имеет существенное значение. В том виде,

в котором стадный инстинкт был описан исследователями начала XX века, он не обладает необходимым объяснительным и прогностическим потенциалом по отношению к феномену толпы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вагнер В. Биология и психология толпы // Образование. 1905. № 9. С. 143–184.
2. Вагнер В. А. Психологические типы и коллективная психология (по данным биологических наук). Л.: Начатки знаний, 1929.
3. Войтоловский Л. Н. Роль чувства в коллективной психологии (опыт психо-физиологического исследования толпы). Киев: типо-лит. т-ва И. П. Кушнерев и К^о, 1904.
4. Гальперин П. Я. К вопросу об инстинктах у человека // Вопросы психологии. 1976. № 4. С. 28–37.
5. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор // Сочинения. Т. 5 / Под ред. ак. Е. Н. Павловского. М.: АН СССР, 1953. С. 119–656.
6. Джемс У. Психология (Text book of psychology). СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1896.
7. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Социально-психологические факторы вступления молодежи в ИГИЛ // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 16–28.
8. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: изд-во Ф. Павленкова, 1896.
9. Мак-Дауголл У. Основные проблемы социальной психологии. М.: Космос, 1916.
10. Михайловский Н. К. Сочинения: в 6 т. Т. 2. СПб.: Русское богатство, 1896.
11. Ницше Ф. Веселая наука. М.: изд-во Д. П. Ефимова, 1901.
12. Рубинштейн С. Л. Проблема развития в психологии // Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. С. 90–124.
13. Семёнов В. Е. Российское общество, полиментальность и социальное согласие // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 98–102.
14. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб.: изд-во. Ф. Павленкова, 1893.
15. Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1902.
16. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т. 1. М.: Педагогика, 1986.
17. Юревич А. В. Проявления агрессивности в современном российском обществе как психологическая проблема // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 68–77.
18. Angell J. R. The important human instincts // Psychology: An introductory study of the structure and function of human conscious. N.Y.: Henry Holt and C^o, 1906. P. 294–309.
19. Bernard L. L. Instinct: A study in social psychology. N.Y.: Henry Holt and C^o, 1924.

³ Например, по Р. Тернеру и Л. Киллиэну [41], индивиды в толпе действуют не “как один”, а “как все”, выстраивая поведение в соответствии со складывающимися на их глазах нормами. Сторонник теории стадного инстинкта, возможно, отчасти согласился бы с определением подобного поведения как рационального, но связал бы его с унаследованным релевантным побуждением. Аналогичным образом он мог бы оценить динамику идентичности, прослеженную С. Рейчером [33] и другими исследователями в контексте включения толпы в межгрупповые отношения.

20. *Brill A.A.* Fundamental conceptions of psychoanalysis: Lecturer on psychoanalysis and abnormal psychology. N.Y.: Harcourt, Brace and C^o, 1921.
21. *Dunlap K.* Are there any instincts? // *Journal of Abnormal Psychology*. 1919–1920. V. 14. P. 307–311.
22. *Faris E.* Are instincts data or hypotheses? // *American Journal of Sociology* 1921. V. 27. P. 184–198.
23. *Festinger L.* A Theory of social comparison processes // *Human Relations*. 1954. № 7. P. 117–140.
24. *Giddings F.H.* Pluralistic behavior – concluded: A brief of sociological theory restated // *American Journal of Sociology*. 1920. V. 25. P. 539–561.
25. *Giddings F.H.* Studies in the theory of human society. N.Y.: Macmillan and C^o, 1922.
26. *Ginsberg M.* The psychology of society. N.Y.: E. P. Dutton and C^o, 1921.
27. *Howerth I.W.* The Great War and the instinct of the herd // *International Journal of Ethics*. 1919. V. 29. № 2. P. 174–187.
28. *Macbride E.W.* The herd instinct in animals: Its bearing on the bases of human society // *The Eugenics Review*. 1929. V. 21. № 2. P. 97–108.
29. *McDougall W.* The energies of men: A study of the fundamentals of dynamic psychology. London: Routledge, 1932.
30. *Miller H.A.* The Group as an instinct // *American Journal of Sociology*. 1921. V. 27. P. 334–343.
31. *Morgan C.L.* Habit and instinct. L.; N.Y.: E. Arnold Publ., 1896.
32. *Parmelee M.* The science of human behavior: Biological and psychological foundations. N.Y.: Macmillan and C^o, 1913.
33. *Reicher S.* The psychology of crowd dynamics // *Blackwell handbook of social psychology: Group processes* / Eds. M.A. Hogg, R.S. Tindale. Malden: Blackwell Publishers, 2001. P. 182–208.
34. *Rosenberg M.J., Hovland C.I.* Cognitive, affective, and behavioral components of attitudes // Eds. M.J. Rosenberg, C.I. Hovland. *Attitude organization and change: An analysis of consistency among attitude components*. New Haven: Yale University Press 1960. P. 1–14.
35. *Shand A.F.* The foundations of character: Being a study of the tendencies of the emotions and sentiments. L.: MacMillan and C^o, 1914.
36. *Shibutani T.* Reference groups as perspectives // *American Journal of Sociology*. 1955. V. 60. № 6. P. 562–569.
37. *Tead O.* Instincts in industry: A study of working-class psychology. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin C^o, 1918.
38. *Trotter W.* Herd instinct and its bearing on the psychology of civilized man // *Sociological Review*. 1908. V. 1. № 3. P. 227–248.
39. *Trotter W.* Sociological application of the psychology of herd instinct // *Sociological Review*. 1909. V. 2. № 1. P. 36–54.
40. *Trotter W.* Instincts of the herd in peace and war. L.: T. Fisher Unwin Ltd. Adelphi Terrace, 1921.
41. *Turner R.H., Killian L.M.* Collective Behavior. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1957.
42. *Wallas G.* Human nature in politics. L.: A. Constable and C^o, 1908.

PSYCHOLOGY OF CROWD: THEORIES OF HERD INSTINCT AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

D. S. Gorbatov*, S. N. Bol'shakov**

**Sc.D. (psychology), professor, management of mass communications chair, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg;*

***Sc.D. (economy, political sciences), professor, economic theory and corporate management chair, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar*

General characteristic of human's instincts paradigm is given and main directions of its critic in social psychology at the beginning of the XX century is presented. The content of W. Trotter's and V.A. Vagner's theories in which herd instinct is described as a human's beyond-rational instinct is analyzed. Mutual contradictoriness of these theories that is determined by fundamental limitations of the idea of social behavior determination by the whole set of inherited predispositions is marked. In the context of question of possibility of returning to the subject field of psychology of spontaneous integration of herd instinct the conclusion about insufficiency of notion's explanatory potential is drawn.

Key words: crowd, human's instincts, herd instinct, "theory of herd instinct" by W. Trotter, "theory of crowd" by V.A. Vagner.